

- Льюис-Педерсен – *Льюис Г., Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
- Расторгуева-Эдельман I – *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М., 2000.
- Brugmann Gr. – *Brugmann K. und Delbrück B.* Grundriss der vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. I–II. Strassburg, 1897.
- Endz.-Haus. – *Endzelin J. und Hausenberg E.* Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlentachs Lettisch-deutschem Wörterbuch, I–II. Riga, 1934–1946.
- Gl. 1 – *Steinmeyer Elias, Sievers Eduard.* Die althochdeutschen Glossen. B. I. Berli, 1879.
- Henning – *Asiatica.* Festschrift F. Weller.
- Holthausen AEEW – *Holthausen F.* Altenglisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1934.
- Horn – *Horn Paul.* Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893.
- Hübschmann IF Anz. 10 – *Hübschmann H.* [Rezension von] *Horn P.* Neupersische Schriftsprache. (Grundriss der iranischen Philologie, herausgegeben von W. Geiger und E. Kuhn. Band I Abteilung 2.) Strassburg Trübner, 1898.
- Hübschmann Pers. Stud. – *Hübschmann H.* Persische Studien. Straßburg, 1895.
- Mayrhofer IGr. – Indogermanische Grammatik. Bd. I, 1. Halbband: Einleitung von W. Cowgill; 2. Halbband: Lautlehre [Segmentale Phonologie des Indogermanischen] von M. Mayrhofer. Heidelberg, 1986.
- Mažiulis – *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas, 1–3. Vilnius, 1988–1996.
- Meillet A. – *Meillet A.* Varia. II. – V. sl. zěja // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. T. 9, p. 137–141.
- Mikkola, Streitberg Festg. – *Mikkola J.J.* Die Verschärfung der intervokalischen *j* und *w* im Gotischen und Nordischen // Streitberg-Festgabe, herausgegeben von der Direktion der vereinigten sprachwissenschaftlichen Institute an der Universität zu Leipzig. Leipzig, 1924, S. 267–271.
- Raven – *Raven Frithjof A.* Die schwachen Verben des Althochdeutschen. B. I–II. Alabama, 1964–1967.
- Szemerényi, KZ LXX – *Szemerényi O.* KZ LXX.
- Skok – *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I. Zagreb, 1971; II, 1972; III, 1973.
- Snoj 1997 – *Snoj Marko.* Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997.
- Zubatý Josef. Zum slavischen *ě*. // Archiv für slavische Philologie, Bd. 13. Berlin, 1890–1891, S. 622–625.
- Zubatý Josef. Zur Deklination der sog. *-jā-* und *-jo-* Stämme im Slavischen // Archiv für slavische Philologie, Bd. 15. Berlin, 1892–1893. S. 493–518.

В.А. Дыбо

T. Szymański. Ze studiów nad słownictwem słowiańskim. Kraków, 2003. 168 S.

В книгу известного слависта Т. Шиманского вошли статьи, опубликованные за последние тридцать лет, а точнее с 1973 г. по 1991 г., на страницах журналов *Język Polski*, *Български език*, *Palaeobulgarica*, *Rocznik Slawistyczny* и в некоторых сборниках (ср. Тиквешки сборник). Как отмечает автор в коротком предисловии к сборнику, статьи вошли в том виде, в каком были написаны на польском и болгарском языках, устранены лишь опечатки, написание примеров приведено в соответствии с оригиналом. Сборник посвящен вопросам славян-

ской этимологии. В статьях, расположенных в сборнике в хронологическом порядке, предметом исследования стали польские и болгарские лексические диалектизмы, отдельные русских и украинские слова. Особый интерес автор проявляет к образованиям, звукоподражательным по своей природе, анализу их семантики, выявлению типов семантических взаимосвязей. В сборнике находим отклик на обсуждавшуюся в конце 70-х годов проблему непоследовательного проведения первой палатализации в славянских языках. С позиции этимологической науки оцениваются труды Ст. Младенова и Л. Милетича в области лексикологии. На страницах сборника в разных аспектах исследуется значительная часть славянского словаря. Некоторое представление об объеме исследованного материала дает словоуказатель с расположением слов в две колонки (с. 157–169). К обсуждению этимологически трудного слова автор обращается в ряде статей, и включенные в сборник материалы этих статей взаимно дополняют друг друга и позволяют точнее определить статус слова в славянском словаре (ср. “К этимологии болг. диал. *зона*”, “Укр. *зона*” ‘*śnieć, Ustilago*”). Не имея возможности сколько-нибудь подробно обзреть все статьи сборника, мы остановимся на вопросах, которые представляются нам наиболее существенными для решения проблем этимологии.

Исследования Т. Шиманского, одного из составителей Краковского словаря (“*Słownik prasłowiański*”), подчинены решению задачи реконструкции и этимологизации праславянского лексического фонда. На основе конкретного этимологического анализа в работах Т. Шиманского обсуждаются принципы реконструкции праславянского лексического фонда, те критерии, которые необходимо учитывать при оценке возраста слова. Участие в таком фундаментальном проекте, каким является работа над “Праславянским словарем”, определяет особый интерес автора к архаичным лексико-семантическим образованиям. С ориентацией на реконструкцию праславянского лексического фонда исследуется словарный состав славянских диалектов, в первую очередь болгарского и польского языков. В своем подходе к материалу автор исходит из разработанной в трудах Ф. Славского концепции праславянского языка. Основные положения этой концепции охарактеризованы в статье под названием “Праславянский язык в концепции Ф. Славского”. Автор особо подчеркивает, что определение этимологии как науки, призванной объяснить и обосновать словообразовательную и семантическую структуру слова языковыми процессами, актуальными для более ранних хронологических срезов (с. 123), наиболее полно реализовано в “Этимологическом словаре польского языка” Ф. Славского, дающем полную, исчерпывающую информацию о происхождении слова. Этот словарь, с которым по точности и всесторонности анализа, богатству материала не может сравниться ни один из славянских этимологических словарей, мог бы быть без преувеличения назван “Праславянское наследие в польском языке”. Привлеченный для исследования богатый лексический материал оценивается с позиции отражения праславянского наследия в диалектах славянского языкового пространства. Во всех этимологических этюдах на материале разной лексики с разных сторон автором обсуждаются принципы отбора лексики, датируемой праславянской эпохой. В статье “К вопросу изучения праславянской лексики” подчеркивается, что географическому критерию, как и морфологическому, далеко не всегда принадлежит решающая роль при оценке праславянской древности слова. Для повсеместно распространенных лексем, оформленных по продуктивным моделям, существует большая вероятность параллельного независимого развития в славянских диалектах. Это относится в первую очередь к производным образованиям с суф.

-*ьнь*, -*ота*, -*ость*, -*овати* и др. На конкретных примерах автор последовательно показывает, какие факторы необходимо учитывать при определении ареальной характеристики слова, праславянского наследия в отдельных славянских языках. Детальный анализ материала заставляет автора усомниться в правомерности отнесения к праславянскому фонду представленного во всех трех славянских языковых группах прилаг. *duhovъ (ЭССЯ 5, 152–153), поскольку у западных и южных славян это прилагательное скорее всего является калькой лат. *spiritualis* или греч. *πνευματικός*, древность вост.-слав. лексемы также вызывает большие сомнения (с. 42). На примере слав. *domočedъсь, включенного в праславянский словарь в ЭССЯ (5, 69), убедительно показано, что источником этого слова во всех языках стало цслав. *домочадецъ*, которое является книжным образованием, калькой греч. *οἰκογενής* (с. 42). А это означает, что отсутствуют основания для отнесения слова к праславянскому наследию. Одно из важных положений современной науки о праславянском языке связано с признанием изначальной диалектной дифференциации праславянского языка и соответственно с признанием возможности существования лексических диалектизмов, восстанавливаемых по данным некоторых или даже одного диалекта. Отмечая неполноту наших знаний о составе славянского словаря, связанное с отсутствием исторических, диалектных словарей по некоторым языкам (ср. отсутствие полного болгарского исторического словаря, полного диалектного словаря словенского языка и т.д.), автор предостерегает против поспешных выводов об исходном ареале того или иного образования праславянской древности.

Прекрасное владение материалом, извлеченного из самых разных источников, методологический подход, отвечающий требованиям современной науки, позволяют автору выявить в словарном составе славянских диалектов лексико-семантические образования, отражающие архаичные особенности структуры и семантики праславянского слова. Особо подчеркивается роль исторических и диалектных данных при решении задач реконструкции и этимологизации праславянского лексического фонда. В работах Т. Шиманского немало архаичных лексем, впервые выявленных и проанализированных с позиции праславянского языка. К числу лексических диалектизмов, сохранившихся у южных славян только на территории болгарских говоров, отнесены *mēdlica, *mļva, *sqčiti (с. 45), болг. родоп. *стоп* 'порог', трактуемое как образование регулярного типа от гл. *sterti (с. 81–83). В Тыквешском сборнике, копии с рукописи XVII в., выделены лексические архаизмы, для которых находят подтверждения только в болгарских диалектах (ср. *ruta*, *rucho*, *svita*). Особое значение придается свидетельствам памятников Кирилло-мефодиевской эпохи, близких по времени к праславянской эпохе, и показаниям архаичных родопских диалектов. Именно болгарский материал и в первую очередь древние памятники дают материал для восстановления редких архаичных лексем. Представленные в древних рукописях слова *бръсьль* (откуда др.-рус. *бръсель*, *бръсель*), *бръсьликъ*, *гдѣтель* 'творец, создатель' (откуда рус. *детель*), *прокън* 'прочий' (откуда чеш. *prok* 'residuus') и т.д. служат источником для реконструкции праслав. лексем *brъselъ, *brъselъje, *dětelъ, *prokъ (с. 54–55). Подчеркивается, что широко засвидетельствованное болгарскими диалектами прилаг. *пъсен* 'грязный, нечистый' (с. 55) служит источником реконструкции праслав. *ръсьль, определяемого как производное с суф. -*ьль* от корня гл. *ръsati (иначе как возможный тюркизм в БЕР 6, 115). Восстанавливаемое праслав. диал. *setьнь 'последний' на основании показаний древних памятников и болгаро-македонских диалектов этимологизируется как отглагольное прилагательное с исходной формой *sek-to, родственное лит. *sėkti*, *sekù* 'следить; следовать' (ср. иначе в БЕР 6, 623).

В работах Т. Шиманского впервые обосновывается праславянская древность болг. диал. *зона* 'пустое зерно', объясняемого в БЕР как заимствование из греч. ζώνη 'пояс', и связанного с ним укр. *зона* 'Ustilago', чеш. нар. *zupa* 'недозревшее пустое зерно', с.-хорв. *zōna* бот. 'Melica' и т.п., сложившихся на базе и.-е. *znēti (*zněti*) 'тлеть, гореть' (с. 69 и сл., 94 и сл.). Новое этимологическое истолкование получают рус. диал. *эгать* 'сильно пылать', *ягать* 'быстро идти', *яглый* 'тучная, черная земля' (с. 98–100), для которых восстанавливается праслав. диал. *ĕg-ti (~ лит. *jėgti* 'мочь, быть в состоянии', лтш. *jegt* 'понимать'). Эта версия, принятая в SP (6, 131), существенно расходится с пониманием этимологических связей в ЭССЯ, в котором исходная форма **agl̥jь/*jagl̥jь* восстанавливается для рус. диал. *яглый* (ЭССЯ 1, 53), а рус. *ягать* выводится из формы *egati (ЭССЯ 6, 69). Представляется более обоснованным объяснение, предложенное Т. Шиманским, при этом необходимо иметь в виду, что с утратой мотивации могло иметь место сближение, взаимопроникновение формально близких слов.

В статьях находим много интересных наблюдений, позволяющих внести уточнения в состав славянских соответствий. Так, для болг. *мухъл* 'плесень', соотносимого в литературе с далеким по значению рус. диал. *мухлѣть* 'делать что-л. небрежно, как попало', 'хитрить, лукавить' (Фасмер III, 19), обнаружено в словаре Сыхты точное семантическое соответствие – *muchlec* 'гниль, разваливаться' (с. 41). След праслав. диал. *stamъ (Фасмер III, 744) не только в рус. диал. *стамой лед* и производных *стамѣк*, *стамѣк*, но в болг. диал. *стѣмен камен* 'большой неподвижный, ушедший в землю камень' (с. 43). Обнаруженные автором диалектизмы не только расширяют географию славянских слов, но и позволяют по многим случаям полнее представить семантическую эволюцию слова, выявить особенности словообразовательной структуры и т.п. Так, не учтенные этимологическими словарями диалектизмы *přid* и *přyt* 'Zugabe', обнаруженные автором в словарях Сыхты и Лорентца, а также в Картотеке польских говоров (с. 6–7), расширяют ареал праслав. *pridъ, соотносительного с гл. *děti, известного преимущественно южнославянским языкам и памятникам церковнославянской письменности. Исключая из числа соответствий блр. диал. *прід* 'край на дне посуды'¹, образующего в плане семантики самостоятельную лексическую единицу, автор тем самым точнее определяет ареал праславянского диалектизма, имеющего точные соответствия в балтийских языках (ср. лит. *priėdas*, лтш. *prieds*). Другой интересный пример – отражение праслав. *sēverь, единственным несомненным продолжением которого на польской территории признается топ. *Siewior*, в польск. диал. производном образовании *śeworecka* 'мелкий дождь, изморось' (с. 16–18). Извлеченное из записей Т. Стойчева родоп. *смѣрч* 'известняк, туф' расширяет состав продолжений праслав. *smьrĕь с исходным значением 'гриб' (с. 63–65).

Исследования Т. Шиманского подчинены выявлению внутриславянских процессов на всех языковых уровнях. С позиции системных отношений праславянского языка оценивается морфемный состав архаичного слова, сфера действия отдельных словообразовательных моделей в плане относительной хронологии. Отмеченный в Тыквешской рукописи гл. *стѣмѣт* ѣ 'стареет' с соответствиями в южных и западных языках (ср. с.-хорв. *stǎpami*, словен. *stārati se*, др.-чеш. *starati se* и т.п.) дает новое подтверждение продуктивной для праславянской эпохи архаичной модели отыменных глаголов на *-ati* (с. 48–50). На основе детального анализа автору удается разграничить в составе продолжений праслав. *skrižalbъ в значении 'каменная плита, сланец' церковнославянизмы и образования, исконно принадлежавшие польским говорам Прикарпатья (ср. польск. диал. *skrzyżal* 'каменная плита', 'крышка на горшке из тонкого камня', *skrzyza-*

le ‘песчаное отложение’ и т.п.), а также говорам чешского и словацкого языков (ср. чеш. диал. *škřižl'a* ‘плоский камень’, словац. диал. *skřižal* с несколько другим значением ‘половина кочна капусты’) и памятникам старославянской письменности (Супр.). Автор тонко выявляет различия в механизме образований польск. диал. *skrzyzał* в двух значениях – ‘каменная плита’ и ‘опорные балки, положенные в форме креста; крестовина’: польск. диал. *skrzyzał* в первом значении продолжает и.-е. **skri-g-* (ср. с.-хорв. *križati* ‘резать (хлеб и т.п.)’, а во втором – производное от *krzyż* с суф. *-al*. Как видим, польские лексемы на *-alb* имеют разные производящие основы и соотносятся между собой как образования разных хронологических уровней.

При обосновании этимологического решения автор использует все возможные аспекты анализа, при этом больше внимание уделяет различиям в оформлении родственных слов, особо важны его наблюдения об изменении функции формантов. Анализируя кашуб. *šulqta* ‘grosse Eier, Hoden, Hodenbruch’ в широком славянском контексте, автор обращает особое внимание на различия в оформлении лексических диалектизмов с корнем **šul:* в одних языках оформляется по типу основ на *-š-* (ср. с.-хорв. *šúlj* ‘отрезанный пенёк’, обычно мн.ч. *šúljevi* ‘hemeroidy’, словен. *šúlj* ‘отрезанная пилой часть пня’ и т.д.), в других – по типу образований на *-et*, при этом отмечает, что элемент *-et* уже в праславянском языке выполняет другую функцию – он служит средством образования демунивативных, гиперкористических образований, экспрессивно окрашенных.

В этимологических выводах важная роль отводится показаниям семантики. Два словаря, краковский и московский, различаются тем, что в задаче первого словаря входит реконструкция праславянского значения, восстанавливаемого на основе этимологического анализа с привлечением сравнительного индоевропейского материала. Автор исходит из идеи многозначности слова уже в праславянском языке. Так, при реконструкции исходной семантики праслав. *slabъ ‘слабый’ важно иметь в виду и другие значения, представленные в диалектах западных и южных славян – ‘неясный, слабо проявляющийся’, ‘неплодородный (о земле)’. По мысли автора, при характеристике семантики праслав. *měsiti ‘месить’ необходимо учитывать и представленное в зап.-слав. языках значение ‘пахать во второй раз’. Реконструкция семантики в полном объеме невозможна без изучения функционирования слова в составе устойчивых сочетаний. Одним из важных резервов семантической реконструкции являются устойчивые сочетания типа **mati (žena) dojiti děte*, *sěkti kamenъ (с. 44). Следует заметить, что семантическая реконструкция не сводится к повторению, сведению в один ряд значений, засвидетельствованных в разных частях славянской территории. Являясь частью этимологического анализа, семантическая реконструкция направлена на выявление иерархии значений. Важность этой проблемы очевидна в случае зап.-слав. *měsiti ‘пахать во второй раз’: в контексте развития земледелия это значение относительно позднее, оно сложилось в эпоху самостоятельного развития славянских диалектов. Восстановление исходной семантики важно для исследования духовной и материальной культуры славян. Восстанавливаемое на основе языковых и этнографических данных праслав. *živъ ognь отражает древние мифологические представления славян о магической роли огня.

Выявляя весь спектр семантических преобразований для слов, датируемых праславянской эпохой, автор обращает внимание на возможность образования омонимов уже в системе праславянского языка. Именно как результат семантического расщепления уже на праславянском уровне трактуются *sěnbъ ‘тень; привидение, призрак’ и *sěnbъ ‘палатка, шатер’ (с. 44). В своих этимологических

построениях автор пытается проследить семантическое тождество основ на всех этапах развития – от индоевропейского состояния к праславянскому. Так, в руск. диал. *золук* ‘раннее утро, рассвет; зара’, с.-хорв. *зѣлен* ‘блестящий (об оружии)’ и слав. **zolkъ* ‘зеленое растение’ автор видит отражение двух линий развития и.е. **gʷel-* в значении ‘блестеть, сиять’ и ‘зеленый’. Попутно лишь заметим, что некоторых уточнений требуют словообразовательные отношения. Праслав. *zolkъ* определяется как помет *actionis* с вокализмом *-o-* от несохранившегося гл. **zelti* (лит. *želti* ‘зеленеть’, лтш. *zelt* то же) с редким суф. *-ktь*. По мнению автора, подтверждением тому служит праслав. **zolitī* ‘отбеливать полотно’ или ‘сделать белым, блестящим’, каузатив от гл. **zelti*, хотя, если быть точным, – это производное от **zola*.

В круг тем, активно разрабатываемых автором, входят исследования, посвященные этимологии и семантике звукоподражательных образований. Результаты исследований нашли отражение в монографии Т. Шиманского, опубликованной в 1977 г.² К этой теме автор обращается и после выхода в свет книги. В настоящем сборнике в ряде статей обсуждается проблема семантики звукоподражательных образований. В процессе развития глаголы, звукоподражательные по своему происхождению, и особенно отглагольные имена утрачивают связь с звукоподражанием. Ориентиром в поисках звукоподражательных истоков слова служит семантика, основные типы семантических взаимосвязей у производных образований, сложившихся на базе изначального звукоописания или звукоподражания. Через выявляемые в ходе анализа семантические связи открывается путь к восстановлению изначальной природы слова. На материале польск. *dukać, duka, świerknąć*, болг. *бука, дуда* и др. показано, в каком направлении преобразуется семантика звукоподражательных образований: ср. ‘издавать звук (о птицах)’: ‘умереть’ (ср. с.-хорв. диал. *dúđiti* ‘издавать звук’: ‘издыхать (о звере)’); ‘издавать звук’: ‘гнить’ (ср. лит. *dundėti* в том и другом значении, польск. диал. *bućeć* ‘реветь (о быке)’: ‘набухать; гнить’; ‘издавать звук’: ‘медленно, вяло работать’ (ср. словен. *dúdati* ‘дудеть’: ‘медленно что-л. делать’); ‘шуметь (о воде)’ > ‘место, где шумит вода’: ‘глубокое место в реке’ (ср. польск. *bączal*) и т.д. Звукоподражательные образования имеют разную структуру. Особо автор останавливается на редупликации как продуктивным способе образования звукоподражаний (ср. макед. *гугука, шушука*, с.-хорв. *babàtati* и т.п.). Ставя под сомнение идею Н.И. Толстого о последовательном проведении первой палатализации (на материале слов с корнями **geg-*, **gep-*, **kev-*), Т. Шиманский, опираясь на свой опыт изучения звукоподражательных образований, убедительно показал, что в силу особого положения звукоподражательные образования (экспрессивная окраска, нерегулярные фонетические изменения и т.п.) не могут служить аргументом в пользу последовательного проведения одного из важнейших фонетических преобразований праславянской эпохи.

В статье под названием “Акад. Стефан Младенов как этимолог” оценивается вклад болгарского ученого в решение этимологических задач. Ст. Младенов известен в первую очередь как автор этимологического словаря болгарского языка (1941 г.). Целый ряд недостатков этого словаря (отсутствие семантических объяснений, подмена словообразовательного анализа корневой этимологией и т.п.) проистекают из необходимости совместить в одном издании вопросы этимологии и правописания. Ст. Младенову принадлежит много работ на этимологические темы. И эти работы не утратили своего научного значения. В книге Ст. Младенова “Древние германские элементы в славянских языках” (1908 г.), высоко оцененной в научных кругах, вопреки общепринятым взгля-

дам, впервые обосновывается связь праслав. *duma с *дуть, *duša, *duchъ, *duti (с. 128). Много ценного и поучительного содержится в этимологических статьях, представленных в книге “Исследования по славянскому и сравнительному языкознанию”.

Л. Милетич не оставил законченного труда по славянской лексике, но через все его исследования болгарских памятников прослеживается интерес к архаичным явлениям словаря. Особого внимания требует к себе исторический материал, содержащийся в опубликованных и исследованных им дамаскинах. На конкретных примерах показано значение трудов Л. Милетича для реконструкции структуры, семантики праславянского лексического фонда. Так, гл. *zavezuvatъ* ‘околдовывать’ (Копривщенский дамаскин) стал отправной точкой для поисков семантически близких славянских соответствий и восстановления на этой основе праслав. *zavezati в качестве термина магических действий. Точно так же извлеченный из дамаскинов архаичный гл. *услекна* ‘умереть’, для которого прослеживаются соответствия в болгаро-македонских диалектах и – шире в славянских языках, – служит основанием для реконструкции праслав. гл. *u-slek-nqti. Дополнить материал этимологических словарей могли бы болг. *четé* се ‘считаться’ (Свищовский дамаскин), *чест* ‘часть, доля’ (~ ст.-болг. *чѣсть*). Автор находит у Л. Милетича слова, которые отсутствуют в словаре Герова: *мѣшка* ‘место’, *младй* ‘родить’, *сѣдя* ‘думать, считать’, *съртам* ‘бродить, скитаться’, *пѣвница* ‘кутеж, пирушка’ (с. 141).

Заключает сборник статья Т. Шиманского из истории болгарской антропониимии. Источником материала стал текст жителя г. Русе Тихо Обретенова (1808–1869) под названием “Торговая книжка”. Основной вывод автора сводится к тому, что во второй четверти XIX в. в диалекте г. Русе основным элементом антропонимов было христианское имя, к которому добавлялось место проживания или рождения, прозвище (только для мужчин), род занятий (только для мужчин), степень родства с другими лицами и т.п.

Исследования Т. Шиманского стали неотъемлемой составной частью этимологической науки, его этимологические решения как наиболее убедительные и достоверные включены в этимологические словари, стали основой для исследования праславянской проблематики, ср. *pridъ (SJK IV, 128), *mariti (ЭССЯ 17, 214)), *тець (ЭССЯ 18, 235). Книга, в которой собраны под одной обложкой статьи разных лет, помогает специалистам ориентироваться в потоке этимологической информации.

Примечания

¹ См.: Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 236.

² Szymański T. Derywacja czasowników onomatopiecznych i ekspresywnych w języku bułgarskim. Wrocław, 1977.